

Цыпленок тоже хочет жить

Автор:

Татьяна Луганцева

Цыпленок тоже хочет жить

Татьяна Игоревна Луганцева

Детектив с огоньком

Татьяна Викторовна Кравцова получила задание и вылетела в командировку в далёкий сибирский город Торуйск. И с первого момента, как она села в самолёт, жизнь начала преподносить ей сюрпризы, да ещё какие! Спутник Татьяны учинил драку в самолёте, и она оказалась в полиции, откуда вышла в наряде «ночной бабочки» и на ночном шоссе попала в лапы местного маньяка, убившего уже шесть девушек. Чудом вырвавшись на свободу, Татьяна угодила в стрип-клуб, а дальше с ней началась такая чехарда, что блюстители порядка за голову схватились...

Татьяна Игоревна Луганцева

Цыплёнок тоже хочет жить

© Т.И. Луганцева, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Цыпленок тоже хочет жить

Жизнь Анастасии Михайловны Спиридоновой была такой же, как у многих женщин. Детство ее было безмятежным и вполне счастливым. Мать воспитывала ее дома в заботе и любви, потому что они были друг у друга единственными родными людьми. Настя очень любила животных, постоянно таскала домой бездомных котят и раненых птиц. Мама, Мария Петровна, конечно, ругалась, но поделаться с увлечением дочери ничего не могла. Неудивительно, что после школы Настя изъявила желание пойти учиться на ветеринара. Мать объяснила дочери, что это несерьезно, посоветовала оставить любовь к животным только увлечением, а профессию выбрать солидную. Тем более, если живешь в городе, а не в деревне.

Настя, конечно, расстроилась, что пришлось распрощаться с мечтой детства, но она подчинилась воле матери и выучилась на экономиста. Однако без сюрпризов всё равно не обошлось. В день выдачи дипломов она вместе со своим избранником подала заявление в ЗАГС, что оказалось для ее матери полным сюрпризом.

Звали жениха Рудольф Анатольевич, он работал заместителем директора коммерческого банка, название которого было у всех на слуху, и был на пятнадцать лет старше своей невесты. Познакомились они так. Рудольф Анатольевич часто заходил к своему бывшему преподавателю, доктору экономических наук, за небольшую денежку тот давал ему кое-какие профессиональные советы. Профессор был деканом экономического факультета университета, где учились молоденькие, красивые студенточки, там-то Рудольф Анатольевич и положил глаз на Настю.

Настя была весьма привлекательной девушкой. Невысокая, худенькая, с темными шелковистыми волосами до пояса и выразительными зелеными глазами. Познакомившись с Настей, Рудольф сразу же понял, что у девушки легкий, покладистый характер, да и вырастила ее мать хорошей хозяйкой. В отличие от многих современных девиц Настя без разговоров убирала квартиру, прекрасно готовила и даже умела шить, вязать и плести кружева. Как говорится – на все руки мастерица. Это ей передалось от матери, та тоже часто вязала, тем самым успокаивая нервы.

Рудольф Анатольевич быстро взял в оборот молоденькую неопытную девчонку и вскружил ей голову. Он катал ее на дорогой машине, кормил в дорогих ресторанах, водил на экскурсии и читал стихи. Настя даже не успела разобраться в своих чувствах, как он быстро сделал ей предложение, за которым

стремительно последовала свадьба. Всё получилось скомкано, молниеносно.

Мария Петровна, конечно, поделилась с зятем своими опасениями:

– Девочка совсем молоденькая, вы, Рудольф, значительно ее старше, опытнее. Настенька только окончила институт, между прочим, с красным дипломом, ей не замуж надо, а о карьере подумать.

Зять успокоил тещу, сказал, что и сам хотел бы, чтобы Настя нашла себя в профессии. Знающие экономисты везде требуются, он может легко устроить свою жену к себе в банк.

Мать Насти немного успокоилась, но всё равно считала, что дочка погорячилась, выскочив так рано замуж. Не о таком зяте она мечтала, боялась, что тот легко сломает ее под себя, испортит ей жизнь. То ли дело ровесник – общие знакомые, интересы. Вместе бы строили семейную жизнь, ошибались, ссорились, мирились, радовались. А здесь «папик» нашел себе глупенькую девочку и ждёт, что она будет ему в рот смотреть и жить по его указке. А как иначе? Он уже сложившийся человек со своими взглядами и привычками, а Настя – чистый лист, пиши, что хочешь.

Сразу же после свадьбы Рудольф увез Настю в свой загородный дом. Как он говорил – дворец. Правда, на дворец дом был мало похож, скорее на каземат. Сплошной высокий забор надежно охранял участок от чужих любопытных взглядов. Участок был неухоженный, заваленный каким-то мусором, бревнами, ржавыми бочками, в которых скапливалась дождевая вода.

Настя с осторожностью переступила порог дома, в котором ей предстояло жить. Целая анфилада комнат, но почти нет мебели – неуютно, стыло, некрасиво. В одной комнате даже не было занавесок.

Первое время Рудольф был с женой очень даже мил. Много шутил, купил несколько мебельных гарнитуров, дал денег для украшения и уюта комнат. Настя целыми днями хлопотала по хозяйству – мыла, стирала, готовила, убирала, разбила перед домом цветник, посадила на грядках зелень, огурцы, в парнике выращивала помидоры и баклажаны. Муж очень поощрял ее в занятии хозяйством, но об устройстве на работу даже не намекал. Его всё устраивало – бесплатная домашняя работница создавала ему так любимый им домашний

комфорт, всё то, о чем он мечтал, выбирая себе жену.

Шло время, и отношение Рудольфа к жене стало меняться. Он уже не боялся обидеть ее недобрым словом, капризничал, привередничал, ворчал, как старый дед, по каждому пустяку. Настя из кожи вон лезла, пытаясь ему угодить, но это было практически невозможно, потому что она его раздражала только одним своим присутствием.

Утром Рудольф уезжал на работу, обедал в ресторане, а вечером возвращался домой «под парами», да еще привозил кучу гостей. Предупредить жену о том, что вечером будут гости, он, как правило, не удосуживался. Настя всегда должна была быть готова к приему, как солдат на посту, промаха ей не прощалось. Если же гости были званы по поводу какого-нибудь праздника, то ей приходилось крутиться как белке в колесе, готовя различные разносолы и кушанья, – муж принимал гостей по первому разряду.

Рудольф Настю почти не замечал, только – подай-принеси. А однажды он поднял на нее руку. Лиха беда начало – он стал делать это регулярно. Настя стала ходить с синяками и боялась мужа, как вампира.

Тёщу Рудольф не выносил и в один не очень прекрасный день отказал ей от дома.

– Мне надоели визиты твоей матери, – сказал он Насте, после того как она накормила его ужином. – Я не хочу, чтобы она появлялась у меня в доме.

Настя подняла на него глаза, она как раз собирала грязную посуду со стола.

– Почему, Рудольф? Что не так?

– Да всё не так! – заорал он и стукнул волосатым кулаком по столу с такой силой, что подлетела и звякнула чашка. – Нечего ей у нас делать. Пусть дома сидит. Она мне действует на нервы!

Настя заплакала. Тихо и незаметно, чтобы еще больше не разозлить домашнего тирана. Мать для нее была единственной отдушиной, с кем она могла поделиться своими горестями, подруг Рудольф даже на порог не пускал. Настя

разговаривала с ними только по телефону, когда его не было дома.

Анастасия ждала ребенка. Беременность протекала тяжело, ее мучили токсикоз и головокружения. Она очень надеялась, что мать поможет ей после родов, но муж сломал ее планы, и она теперь не знала, что делать.

Мария Петровна давно ожидала отлучения от дома дочери – зять теперь часто был с ней необоснованно груб и невнимателен, словно она – пустое место, а не мать жены. Но что делать, чем помочь дочери она не представляла. Жизнь Насти казалась ей сплошным мучительным кошмаром. Она сама перестала спать по ночам, пила таблетки от давления и бессонницы, мучилась головными болями.

У них остались только телефонные разговоры. Когда Рудольф засыпал, мать и дочь отводили душу. – Как ты, мое солнышко? – спрашивала Мария Петровна.

– Да всё нормально, мамочка.

– Как чувствуешь себя?

– Сегодня ходила на УЗИ. У нас будет мальчик!

– Господи, какое счастье! А как Рудольф?

– Рудик очень хотел сына. Надеюсь, он обрадуется.

– А ты ему еще не сказала?

– Утром скажу. Вечером он был не в форме.

Мать расстроилась:

– Опять пьяный пришел?

– Да, еле до дома дотащился. Но я уже привыкла...

– Доченька, береги себя и малыша. Тебе теперь нельзя волноваться. Больше спи и постарайся не нервничать.

Настя вздохнула:

– Я стараюсь... Только плохо получается...

Мать пригрозила:

– Если он снова начнет тебя обижать, я к его начальству пойду, пусть ему хвост прищемят!

Дочь испугалась:

– Нет-нет, мамочка! Всё хорошо! Никуда не ходи, и не буди в нем зверя. Ведь он бросит меня с ребенком, что я буду делать? – И Настя заплакала.

Мать заволновалась:

– Не плачь, тебе нельзя! Никуда я не пойду, не волнуйся. Успокойся и ложись спать, моя дорогая. Жизнь – штука интересная, никогда не знаешь, куда вывезет...

* * *

Рудольф назвал первенца Анатолием в честь своего отца. Он даже не спросил у жены, какое она выбрала имя для мальчика. Анатолий – и точка.

Он отмечал это радостное событие на работе, отмечал с друзьями, фактически не появляясь дома. Настя наслаждалась сыном, но оставалась абсолютно одна. В их доме так и не появились ни помощница, ни няня. Сам муж контролировал каждую мелочь. Именно после рождения сына и подарка в виде кольца с бриллиантом в два карата, он снова поднял на нее руку. Очень умело, чтобы не причинить серьезного вреда, но, чтобы максимально унижить. Рудольф отхлестал свою молодую жену по щекам, а потом грубо взял ее, так и оставив лежать уткнувшуюся в подушку. После этого Рудольф исчез из дома на неделю,

а вернулся с подарком для Насти – золотой цепочкой, на которой висел кулон с рубином и бриллиантками.

– Ну, ладно, малышка. Извини! Сорвался! Не знаю, что на меня нашло. Этого не повторится! Я люблю тебя, моя птичка! – обнимал жену Рудольф Анатольевич.

Буквально на следующий же день их примирение закончилось очередным рукоприкладством. Дело в том, что после всех событий у Насти пропало молоко, и она не смогла кормить Толика. Тот остался голодным и орал все утро как резаный. Рудольф Анатольевич просто озверел, и все шишки посыпались на жену. Ей было высказано всё. Что она тряпка, и что лечиться надо, и что нервы у нее ни к черту. А теперь вот должен страдать его ребенок. Потому что Настя – никчёмная мать!

Ребенок был быстро переведен на искусственное вскармливание, но скандалы дома не прекратились. Мальчик рос болезненным, Настя день и ночь не отходила от малыша, прислушивалась к его дыханию, следила за каждым движением. Спали они в разных комнатах. По щелчку мужа Настя должна была являться к нему в постель, но заснуть на груди мужа она не имела права, чтобы не мешать Рудику. Насте нужно было прекрасно выглядеть перед его деловыми партнерами и гостями. Не дай бог выйти с измученным видом или уставшей, не так посмотреть, не так ответить. Страх, одиночество и полная зависимость вконец измучили Анастасию, она попала в ловушку и не знала, как ей жить дальше. Мария Петровна, как могла, помогала дочери. Она тайком приходила к дочери в первой половине дня, чтобы поныть с Толей. Но это продолжалось недолго. Оказывается, в доме были установлены камеры, о которых Рудольф даже не сообщил жене. Он очень быстро узнал о визитах тёщи и устроил жене разнос.

– Пусть твоя мать сидит у себя дома. В следующий раз ей просто не откроют въезд в поселок, – холодно сказал он Насте за завтраком.

– Она же помогает мне с Толиком! Я устала, у меня руки отваливаются! Я замучилась.

– Мне всё равно. – Рудольф положил кусочек сахара в кофе и зазвенел ложечкой. – Воспитанием должны заниматься родители, в частности, ты, а когда сын подрастет, я сам возьмусь за его воспитание. Но никаких бабок здесь не

будет, так и скажи своей матери. Я ей своего сына не доверяю.

Настя ушла в свою комнату и зарыдала. Она не видела выхода, и порой ей просто хотелось удавиться.

Рудольф словно почувствовал ее настрой и с садистским удовольствием продолжил мучение. Он запретил ей разговаривать по телефону с матерью и подругами, и ей удавалось делать это только тайком. Однажды она не выдержала, взяла такси и отправилась к матери. Когда она вернулась, Рудольф избил ее. Он лупил ее что было силы и приговаривал:

- Никогда! Слышишь, никогда! Ты не смеешь трогать моего сына и увозить из дома, не согласовав со мной. Ты – женщина, твое дело сидеть с ребенком, а не самовольничать! Еще раз сделаешь что-нибудь подобное, изуродую, как бог черепаху!

Настя ушла в себя, она жила словно на автомате, жизнь превратилась для нее в сплошные беспроглядные сумерки.

Когда Толе исполнилось три года, Настя попыталась поговорить с мужем, чтобы определить его в детский садик, а самой выйти на работу. Она так мечтала об этом! Рудольф только засмеялся ей в лицо.

- Ты бредишь? Какая работа? Твое дело заниматься домом и ребенком. Что вы, бабы, так стремитесь работать? Чего тебе не хватает? Я тебя пою, кормлю, одеваю, обуваю – живи и радуйся! Да и что ты за мать такая? Такого маленького ребенка хочешь сбегать в детский сад! А сама наденешь костюмчик и поцокаешь каблучками в офис, в банк, строить глазки клиентам и сотрудникам?

- Что ты говоришь? Я никому не строю глазки!

- Конечно! Потому что ты сидишь дома и не видишь богатых молодых мужиков! Бабы все слабы на передок. А я уберегу тебя от этого. Моя жена должна принадлежать только мне.

У Насти не осталось подруг, не было знакомых. Выбираться в город она могла только в магазин, и то не так часто, и за каждую позицию в чеке она должна

была нести ответ. Один раз Рудольф швырнул ей в голову банку со сметаной, потому что она оказалась просроченной.

– Ну, что? Банковская работница! Ты даже число на упаковке не можешь проверить, бестолочь! А это, между прочим, мои деньги, я их зарабатываю для семьи. А ты не знаешь, что такое зарабатывать, и так бездумно швыряешься ими! Я буду тебя наказывать! Отнимать за каждый проступок по украшению, что я дарил, когда ты была хорошей девочкой.

Понятно, что с таким отношением и методами воздействия Анастасия вскоре осталась ни с чем.

Когда Толик пошел в первый класс частной школы поселка, Настя поняла, что снова беременна. И она даже не знала, радоваться ей или нет. Она уже ничего не хотела. Странно, что она вообще забеременела. Рудольф крайне редко приглашал ее в свою спальню, да и она не спешила к нему. Он мог позволить себе не прийти ночевать, отдыхал без семьи. Настя знала, что он ей изменяет направо и налево. Чем старше становился Рудольф, тем моложе становились его любовницы. Внешность и должность у него были представительными, язык подвешен. Когда-то и она сама попала на эту удочку. Только она заняла самое неприглядное место рядом с деспотом, в то время как его любовницы летали с ним на Мальдивы и развлекались в ресторанах. Самая печальная участь выпала Насте, как его жене.

Рудольф неожиданно к новости о второй беременности отнесся с прохладцей.

– Правда? Надо же! Не прошло и семи лет, наша снежная королева снова готова стать матерью. Знаешь, а мне как-то всё равно. Сын у меня уже есть, я не отец года. Поэтому решай сама. Могу и аборт оплатить.

– Нет! Я не убью своего ребенка! – испугалась Настя.

– Ну, тогда рожай. Только без моего участия. И денег на хозяйство не увеличу, сама крутись, раз плодиться захотела.

Рудольф сдержал свое слово и ко второму ребенку относился очень холодно. Он даже ни разу не сходил с женой на УЗИ и не забрал ее с дочерью из роддома, только машину прислал. Тёщу он даже не пригласил на торжество, когда все-

таки решил отпраздновать год дочери. Назвал девочку своим любимым женским именем. Рудольфу нравилось, что оба ребенка носили имена на букву «А» – Анатолий и Алина.

Общался с детьми Рудольф очень трудно. С дочкой вообще никак. Она его не интересовала. Если же он кидал свой взор на Толика, то тому тоже приходилось несладко. Он должен был читать стихи, показывать дневник, отжиматься от пола, бегать по утрам. Возражать отцу категорически запрещалось. В дневнике должны были быть только пятёрки, отец не принимал объяснений и наказывал даже за четвёрки.

– Мой сын должен учиться лучше всех, – твердил он, словно дятел. – Быть сильнее всех и умнее всех. Иначе и смысла не вижу работать на такую семью!

Анатолий старался, но всё равно часто получал от отца то ругань, то подзатыльники. Анастасия очень испугалась, когда Толя получил очередную нехорошую оценку, а в этот день должно было состояться общение с отцом, и ее восьмилетний сын описался от страха. Она попыталась поговорить с мужем, объяснить, что он очень жесток с сыном, который еще слишком мал, но Рудольф снова избил ее за то, что посмела его учить. Тогда же он отлупил и Толика за тройку и за то, что попытался спрятаться за мамкиной юбкой. С сыном это было в первый раз.

Скоро у Насти случилась новая беда. Умерла Мария Петровна. Сердце... У нее были серьезные проблемы со здоровьем, она пила лекарства, ходила по врачам. Но, наверное, сердце ее все-таки не выдержало переживаний за дочь. Не такой судьбы она хотела своей Настеньке. Никогда они не гнались за богатством, никогда не стремились кому-то навредить. Мария Петровна, наоборот, всегда хотела, чтобы ее дочь встретила парня-ровесника, порядочного, перспективного и они вместе пошли по жизни. Взрослый жестокий мужчина соблазнил ее дочь, и пока Настя не опомнилась, он ее уже и окольцевал, превратив в безропотную рабыню, над которой он сладострастно глумился. Мать Насти считала, что Рудольф воспользовался ситуацией. При этом рассчитывать на его порядочность не приходилось. Мария Петровна страдала и мучилась от того, что ее единственная дочка несчастлива.

Неожиданно для Насти Рудольф помог жене с похоронами тёщи и не высказал Насте ни малейшего упрёка. Он терпеть не мог Марию Петровну и обрадовался, что она ушла в мир иной.

Настя с похорон потеряла последнюю опору в жизни. Это совсем надломило ее, она перестала есть, страшно похудела, опустила руки и ушла в себя. Рудольф, который никогда не замечал свою жену, вдруг забеспокоился. Он понял, что «перешел границу» и Настя вскоре последует за матерью. Терять жену он не хотел. Во-первых, он привык к ней, как к «подушке для битья» и сброса негативного настроения, а, во-вторых, она была матерью его наследника-сына. Дочь Рудольф в расчет не брал. Он стал ласков с ней и детьми и даже подарил Насте норковую шубу. Правда, ей некуда было в ней ходить.

Рудольф давно уже стал директором банка и круто вел свой бизнес. Но неожиданно для него наступили «черные» дни. Он бился и крутился, стараясь наладить дела, но конкуренты давили – и вскоре банк его пошел ко дну. Настя продала квартиру мамы, пытаясь помочь мужу хоть какими-то деньгами, но это была капля в море – банк Рудольфа рухнул.

Рудольф начал пить, пускаться в какие-то сомнительные аферы, пытаясь снова наладить дела, но удача отвернулась от него. Денег в семье не стало. Муж пил, таскался по проституткам и спускал последние гроши. Настя понимала, что развод для нее тоже не выход – с двумя детьми на руках и без жилья она не знала, что делать.

Кончилось дело тем, что Рудольф получил пулю.

Сыну Анатолию к моменту гибели отца было двенадцать лет, а дочери пять.

Имущество описали, Настя на последние деньги сняла комнатёнку в коммуналке у какого-то забулдыги и принялась искать работу. Но это оказалось очень и очень трудно. За годы замужества она потеряла квалификацию, и ее не брали даже продавщицей в магазин, а на зарплату нянечки в больнице или уборщицы она не могла прокормить детей.

Наступила безысходность.

Настя шла по осеннему бульвару. Сырой ветер раздувал полы ее плаща, последние желтые листья мокли на черном асфальте. Настя шла, не видя ничего и никого вокруг, отчаяние сжало ее сердце, ей было плохо. Неожиданно ее остановил возглас:

– Настя, привет! Это ты! Сколько лет, сколько зим!

Она подняла глаза и увидела старого знакомого, он несколько раз бывал у них в доме. Настя с трудом припомнила его имя. Звали его Кирилл Олегович.

– Ну, здравствуй, вдова, плохи твои дела, – без обиняков начал Кирилл Олегович. – А я искал тебя. Но ты исчезла без следа, телефона твоего у меня нет, и никто из знакомых не знает, где ты теперь обитаешь. Как сама, как дети? – Кирилл Олегович участливо взял Настю за руку. – Слушай, давай зайдём в кафе. Выпьем кофе, согреемся, а то такая погода... – Он зябко передёрнул плечами. – Бр-р! – И засмеялся.

Настя улыбнулась, и они отправились в кафе. Официант поставил перед ними по чашке кофе и по рюмочке коньяка.

– Это чтобы ты не простудилась, – пояснил Кирилл Олегович.

Когда официант отошел, мужчина начал без прелюдий:

– Знаешь, Анастасия, – сказал он, – твой покойный муж был порядочной свиньей. Надеюсь, что ты не станешь это опровергать. – Гад и скотина. Рудольф совсем не думал о семье, не оставил тебе и детям никакой «финансовой подушки». А я вот готов помочь. Давно на тебя смотрю, нравишься ты мне и всегда нравилась. Но муж у тебя упырь конченный, хотя мы и приятельствовали. Относился к тебе как к служанке, мне тебя было жалко. Ты родила ему двоих чудесных детей. А он тебя в грош не ставил. А ведь ты красавица. Напрасно он это не ценил. Вот его и настигла божья кара.

– Я не думаю, что бог вообще хотел знать, что такой урод живет на земле, но за поддержку спасибо, – только и смогла ответить удивленная Настя.

– А я не просто так искал с тобой встречи, я готов помочь тебе. Я могу снять квартиру в центре города и на первых порах поддерживать тебя материально.

– Что взамен?

– Ну, как... Я же обычный человек. Мне иногда нужны ласка, внимание, полное расслабление. Редкие встречи с тобой, спокойная обстановка и полное взаимопонимание устроят меня.

Настя прищурилась.

– Вы же только что осуждали моего мужа, царство ему небесное. И сами туда же? Вы же, Кирилл Олегович, женатый человек?

– Да, я женат. И что с того? Чем наши редкие, но приятные встречи могут помешать моему браку? Мы с женой живем не один десяток лет и прекрасно ладим. У меня другая ситуация. А ты сейчас о своей ситуации лучше думай. Двое малолетних детей – это не шутка.

– А вы и детей моих готовы содержать? – уточнила Анастасия.

– Конечно! Что за вопрос. Я обеспечу вас всем необходимым и даже больше того, у тебя будет всё, сама увидишь и убедишься. И пальцем тебя не трону, в отличие от твоего мужа-мерзавца. Ты будешь со мной счастливой.

– Я никогда не мечтала стать содержанкой, – усмехнулась Настя.

– Это грубо. Ты будешь моей любовью, музой. А вот твои ангелочки или дьяволята явно, будут мешать нашему счастью. Поэтому от них придется избавиться.

Анастасия испуганно вскинула на него глаза.

– Нет, не пугайся! У тебя просто другого выхода нет! Мальчишку я смогу устроить в кадетскую школу. Там его и оденут, и накормят. А девочку пристроишь в интернат. Будешь забирать на выходные. Заметь! Она тоже будет на режиме и на бесплатном питании. Выходные будешь проводить со своими оболтусами, я всё равно выходные провожу со своей семьей. А вот в будни ты меня станешь радовать, и размер твоего вознаграждения будет зависеть от того, как ты постарайся. Мы же взрослые люди и...

Монолог Кирилла был прерван ударом нежной руки Насти по его щеке. Она вскочила со стула.

– Подонок, – побледнела она. – Как ты смел? По какому праву? Правильно говорят: «Скажи мне, кто твой друг...»

Кирилл Олегович вздохнул:

– Дура ты, прости господи. Я ведь дело тебе предлагаю. Ты же одна! Уверен, что я – первый человек, который предложил тебе помощь. Первый и последний! Ты еще на коленях приползешь, когда твои щенки с голода помирать будут. Сама их в детский дом отдашь! Пожалеешь еще... – Он положил перед ней визитную карточку. – Звони, когда совсем припрёт. Обговорим условия. – Он резко встал, положил деньги на столик и направился к выходу.

А Настя осталась сидеть. У нее совсем не было сил. Она даже заплакать не могла...

* * *

– Поселок «Дрозды»! Конечная! Выходим! – трубно прокричал водитель разбитого допотопного сельского автобуса.

Настя подхватила Алину, а Толя помог ей с вещами. – Спасибо, – попрощалась с водителем Настя и осталась с двумя детьми на дороге.

Автобус уехал, подняв облако пыли.

– Мама, а нас ждут? Здесь хорошо? – спросила Алина.

– Всё будет хорошо, деточка. Идемте, – подхватила Настя вещи.

У нее сердце стучало в бешеном ритме. Впереди были неизвестность и большая надежда.

Она мысленно вернулась в тот недалекий день на кладбище, где на могиле матери среди пластиковых уродливых цветов она увидела письмо, упакованное в полиэтилен. Настя удивилась, подняла письмо и присела на скамеечку. Письмо ее поразило. Вот что она прочитала.

«Настенька моя, дорогая, любимая. Я тяжело болею и мне горько сознавать, что ты вскоре останешься в этом жестоком мире без моей помощи и поддержки. Это письмо написать мне пришлось на ум, когда твой муж-зверь отказал мне от дома. Я передам его нашей соседке по лестничной клетке Анне. Через два года она отнесет его на мою могилу. Это мой последний привет тебе и твоим деткам. Не знаю, как в дальнейшем сложится твоя жизнь, но на всякий случай ты должна знать, что в деревне Дрозды у меня есть дом. Конечно, прошло время, и он, может быть, совсем развалился, ведь дом мне достался от моей бабушки. Но есть надежда, что он не совсем рухнул, ведь в те времена строили на века. Еще хочу сказать, что в той деревне живет твой родной отец Михаил Валерьевич Сорокин. Мы любили друг друга, но судьба развела нас, и растила тебя я одна. Надеюсь, что он тоже жив и здоров.

Настенька! Доченька моя! Я очень тебя люблю. Дай тебе Бог счастья.

Твоя мама.

Вот адрес деревни Дрозды...

Настя недолго думала. Она собрала немногочисленные пожитки, прихватила детей и села в электричку.

Дорога от остановки автобуса шла через небольшой лесок. С пригорка открывался великолепный вид. Неширокая речка словно отрезала поселок от всего остального мира. Через речку были перекинuty два моста. Один широкий и прочный – для машин. А вот другой – дугообразный, с резными перилами, аккуратный и узкий – только для пешеходов. На противоположном берегу раскинулся поселок, весь утопающий в зелени садов.

– Какая красота! – не удержалась Настя.

- Прямо как Лукоморье, - подтвердил Толик.

- А Баба-Яга здесь живёт? - спросила Алинка.

- Может, и живет. Скоро узнаем, - ответила Настя. - Пойдемте.

Они подняли вещи и направились к широкому мосту, потому что он был значительно ближе. Вскоре их нагнал большой джип. Машина остановилась чуть впереди, из нее вышел крепкий темноглазый мужчина средних лет. Он направился к путникам.

- Здравствуйте. Куда путь держите?

- Добрый день. В поселок, - ответила Настя, убирая взмокшую прядку со лба.

- Понятно, что не на Луну. К кому именно? Я местный, всех знаю. Подвезу.

- Здесь должен быть дом Спиридоновых. Мама моя Мария Петровна Спиридонова, а бабушка Глафира Ивановна.

По мере того как Настя говорила, на лицо мужчины легла тень недовольства.

- Знаю я, знаю... - сказал он. - Спиридоновы... Порадовать вас нечем. Дом развалился, а пару лет назад так и сгорел. Это было ЧП в поселке, поэтому я и знаю. А землю вашу тоже растащили.

- Как это «растащили»? - не поняла Настя.

Мужчина подошел ближе и оказался одного с ней роста.

- Потому что наследница, выходит что вы, не появлялась здесь. А за землей ухаживать тоже надо, так же, как и за домом. А то земля зарастает сорняками и они лезут на соседние участки. Приходилось ваш участок косить. Потом один сосед свою грядку со свёклой сделал, потом другой под картошку клочок земли оттяпал... Кто-то качели поставил для ребенка. Ну, а что? Всё равно же земля пропадает. Давно все сроки вышли о вступлении в наследство. Поздно вы спохватились, как вас?

– Мою маму зовут Настя, а меня Алина, мне пять лет. А это – Толя, мой брат, – выдала всю информацию Алина.

– Какая ты шустрая! – засмеялся мужчина. Улыбка у него оказалась очень приятная.

– А меня дядя Рома зовут.

– Роман... Как ваше отчество? – спросила Настя.

– Просто Роман.

– Роман, а такого человека в здешних местах вы знаете? Михаил Валерьевич Сорокин.

– Знаю, вернее, знал. Он умер лет десять назад.

Настя внезапно попала в его объятия, потому что ее повело и она, обмякнув всем телом, стала падать. – Тихо-тихо. Что с вами? Это ваш родственник? Вам плохо?

– Нет... Я его почти не знала. Вернее, вообще не знала.

– Мама, мама! – заплакала, испугавшись, Алина.

– Всё хорошо, не беспокойтесь, – еще не чувствовала своих ног Настя и удивлялась, как легко Роман ее держит на руках, несмотря на небольшой рост.

– А я вот не вижу ничего хорошего, – не согласился с ней Роман и отбуксировал ее на переднее сиденье в свой джип. Он распахнул заднюю дверцу машины.

– Деточки, быстренько садитесь. Правда, детских кресел нет, ремнями пристегнитесь. Толик, помоги сестрѐнке. Ну, так что? Варианты, куда вас здесь отвезти, закончились? Может, поедem назад в город? – спросил Роман, обеспокоенно глядя на бледную Настю.

- Нет... в городе нам тоже некуда деваться. Извините, а у вас есть интернет? – вдруг спросила она.

- Есть и дома, и в телефоне. А что вы хотели?

- Мне нужна информация. Адрес кризисного центра для женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию, социальный центр какой-нибудь... Где ближайший?

- Понятно, – включил мотор Роман и плавно двинул машину.

- Куда вы нас везете? – забеспокоилась Настя.

- К себе домой. Вечер на дворе. Какие центры?

- Я не поеду к вам домой! Я не хочу никого стеснять! – сразу же завелась Настя.

- Во-первых, о детях своих подумайте, во-вторых, я в любом случае не оставлю женщину с двумя детьми на улице ночью, в-третьих, вы никого не стесните, я живу один.

- А вам это зачем? Одинокий мужчина – это тоже подозрительно, – ответила Настя.

- Понимаю. Наконец-то подумали о детях. Но у вас есть заступник, он в обиду маму и сестрёнку не даст, не так ли? – обернулся Роман к Толику и подмигнул ему: – Верно, пацан?

- Да, – ответил мальчишка. – Я за маму всегда заступаюсь.

- А вот это правильно! И часто приходится?

- Когда папа был жив, то часто, – ответил Толя абсолютно честно.

Роман перевел взгляд на Настю.

– Да не бойтесь вы! Меня тут каждая собака знает. Я не Бармалей, маленьких детей не ем. Был женат. Но недолго. Так вот получилось. Долго выбирал и довыбирался. Сын у меня, ему пять лет. Участвую в его жизни, как могу, вернее, как дают. Не хочу, чтобы он другого мужчину, что с ними живет, называл папой. Не смотрите на меня так. Я не очень много зарабатывал по запросам жены, и Лена нашла того, кто зарабатывает больше.

– А это самое главное в жизни? – удивленно поинтересовалась Настя.

– А по-вашему, что самое главное?

– Отношения в семье, любовь, уважение... Я не знаю.

– У нас папа был очень богатый! – снова встрял Толя. – Только он маме ничего не покупал.

– Толя, помолчи. Он и не должен был. Не надо про отца.

– Вы вдова, как я понял? Сочувствую вам.

– Спасибо. Но я всё равно волнуюсь. Я вас совсем не знаю.

Роман остановил машину перед небольшим коттеджем и, дистанционно открыв ворота, въехал во двор. После этого он достал удостоверение и, развернув, показал Насте.

– Ну, а если скажу, что я здесь участковый? Капитан полиции. Вас это успокоит?

– Да... это лучше, – забило сердце у Насти.

– Круто! – прокомментировал Толя.

– Тогда айда в дом! Берите вещи! – скомандовал Роман.

Вокруг коттеджа Романа был участок соток десять. Несколько яблонь, стриженный газон, скамейка и пара когда-то оформленных клумб, а теперь

запущенных и заросших. Дом был двухэтажный. Внизу располагались кухня, гостиная, стоял бильярдный стол, стеллаж с инструментами, а рядом находился небольшой закуток со стиральной машиной и дверью, ведущей в гараж. На втором этаже был кабинет Романа, две комнаты, через которые шел общий балкон.

- Здесь прикольно, - отметил Толик. - Тесновато, правда, но прикольно.

- Толя! - одернула сына Настя. - Извините.

- Ничего. Ребенок говорит, что думает. Это нормально! Приглашаю вас умыться, ванные комнаты есть и на первом этаже, и на втором, а также перекусить с дороги. Я не великий кулинар, но что-нибудь соображу на ужин.

Вскоре они уже сидели за столом под большим абажуром ярко-оранжевого цвета, через стекла больших окон под порывами ветерка качали ветками яблони. Роман, казалось, выставил на стол всё, что у него нашлось в закромах. Нарезал хлеб, сыр, пожарил яичницу, открыл банку с домашними соленьями, даже достал сало и краковскую колбасу.

- Не совсем детское питание, - смущенно произнес Роман, почесывая затылок.

- Да, скорее, это холостяцкий перекус, - согласилась Настя.

- Я колбаску хочу!

Алина встала на стул коленями, взяла себе большой кусок хлеба и положила сверху большой кусок колбасы. Все засмеялись.

- Вот это правильно! Сейчас еще и чай налью. Скажите, дети, кому сколько ложек сахара? Десять? - спросил Роман.

- Я им дам - десять! Полторы ложки каждому. И то многовато. А мне, Роман, извините, можно кофе? Без сахара, - попросила Настя.

- На ночь? - удивился Роман.

– Я не пью чай.

– Маме надо ехать в Бразилию! Она всё время пьет кофе и говорит, что нет ничего красочнее и красивее, чем бразильский карнавал! – сказал Толя, уминая соленый огурец, выловленный из банки.

– Толя! Ну, что ты...

– Мама, ты же говорила, что Бразилия – твоя мечта! Там же красиво! – ответил сын, подчищая корочкой хлеба в тарелке яичницу.

– Я, действительно, не чаёвница, Роман. Обожаю кофе и минеральную воду, – пришлось признаться Насте. – Это мне не мешает, ни с утра, ни на ночь. Организм уже привык.

– Мечтаете о Бразилии? – спросил Роман, улыбаясь.

Настя почувствовала, как у нее горят щеки.

– Это смешно... В моем положении.

– Мечтать не вредно... – Роман быстро посмотрел в глаза Насти так, что та смешалась.

– Я жила в большом, но холодном и неудобном доме... Я ненавидела его, он напоминал мне тюрьму, да, честно говоря, и был для меня тюрьмой.

– Отец считал, что главное в помещении геометрия, а она чертится черным и белым с промежуточными цветом – серым. Именно это дает пространство и воздух, – помог маме Толя, передав концепцию дизайна Рудольфа Анатольевича. – На маму он всегда ругался...

– За что?

– За всё.

- Толя!

- Если пыль не протерла, если что-то сдвинула со своего места, хотя особо и не было, что сдвигать. Нельзя было повесить картину на стену, поменять черное покрывало на кровати на цветное, - пояснил ребенок.

- Да даже смотреть телевизор без разрешения мужа было нельзя.

Роман с удивлением посмотрел на нее.

- Ваш муж был психически нездоров?

- Это можно назвать и так. Хотя он управлял солидным банком. Но с родными вел себя как последняя скотина. И с подчиненными тоже. Любил власть и унижать людей. Особенно подчиненных. Его все ненавидели лютой ненавистью. Он заслужил свою смерть.

- А что случилось?

- Его расстреляли в машине.

Роман бросил взгляд на детей. Настя заметила его озабоченность.

- Не волнуйтесь, - сказала она, - дети знают, как погиб их отец. Этот человек не заслуживает уважения и памяти.

- Это горько... - Роман встал. - Пойду чайник принесу. Вскипел, наверное.

Он принес большой зеленый чайник и налил детям чаю. Насте он подал кружку с растворимым кофе.

- Простите, другого нет.

- Ничего, - улыбнулась Настя.

Роман полез в буфет и вытащил пакетик с конфетами.

Извините, засохли, наверное. Я сладкое не очень... – О, ириски! – восхитилась Алинка, засовывая в рот сразу две конфетки. – Я их очень люблю, дядя Роман. Спасибо!

Часы с кукушкой на стене пробили десять раз.

– Ну всё! – встала Настя. – Пора спать!

Дети на этот раз не возражали, они тоже устали и глаза у них слипались.

– Готовимся ко сну! – сказал Роман. – Места всем хватит. Думаю, что Толя уже взрослый парень, и он останется здесь в гостиной, на диване. А вы с Алиной разместитесь на втором этаже, в спальне, на большой кровати. Ну, а я у себя.

– Класс! Я не хочу с девчонками! Я не маленький! – обрадовался Толя.

– Пока школу не окончил – маленький! – показала ему язык сестра.

Роман разместил гостей, пожелал спокойной ночи и ушел к себе. Ему не спалось. Впервые его дом был наполнен незнакомыми людьми, такими приятными и в таком количестве. Он решил покурить. В свободных брюках и темной футболке Роман вышел на балкон. На балконе стояли четыре плетеных кресла, и сейчас в одном из них сидела прекрасная молодая женщина с длинными распущенными волосами и в светлом халатике. Изящные и очень красивые ножки она положила на перила балкона. Лунный свет загадочно оттенял ее нежное лицо. Звонко стрекотали ночные цикады. Деревья в саду были недвижимы, не шевелился ни один листочек. Роман, невольно залюбовавшись, остановился. Настя повернула голову и быстро убрала ноги.

– Извините! Алинка заснула, а я что-то не могу.

– Ты сиди-сиди, – неожиданно для себя перешел Роман на «ты». – Мне тоже не спится. Извини, вот есть вредная привычка – курю. – Он сел в соседнее кресло, застенчиво стараясь не смотреть в сторону гостьи. – Не мешает табачный дым? – Он разогнал его рукой.

Настя улыбнулась и тихо ответила:

- Это ваш дом, - и натянула халат на коленки, - но меня дым не смущает.

- Я при детях не буду, - пообещал Роман.

Он немного помолчал. Молчала и Настя, задумчиво глядя в подступающую к дому ночную темноту, которую отрезал яркий свет из окон первого этажа.

Роман шагнул к Насте и сел рядом с ней в соседнее кресло.

- Настя, раз уж так случилось, может, ты расскажешь, что подтолкнуло тебя с детьми покинуть родной дом.

Настя горько усмехнулась:

- Родной дом? Да я его ненавидела! Муж-зверюга сживал меня со свету, не давал видеться с родной матерью, бил. И детей бил! Особенно сына. Лупил за всё - за четвёрки, за опоздания из школы, не слушал никаких объяснений. Мучил день и ночь, пока его не застрелили. Бандитские разборки, он банком управлял. Дом забрали за долги, я без профессии и знакомых оказалась с детьми на улице. Хоть в реку прыгай... Но тут узнала о доме в деревне. Приехала сюда в последней надежде, а дом сгорел. Невезучая я... Но что делать, ума не приложу. Была бы я одна - наложила на себя руки, но Толик и Алинка... Они без меня пропадут. Что-то нужно придумать... Как в бессмертной песенке: «Цыплёнок жареный, цыплёнок пареный, цыплёнок тоже хочет жить...» И варили меня, и жарили, а жить нужно...

Роман улыбнулся.

- Здорово, что ты не теряешь чувство юмора. У меня такое ощущение, что всё наладится, только не нужно опускать руки.

- Я и не опускаю, но обстоятельства бывают сильнее меня. Я ведь всего-навсего слабая женщина, и помощи мне ждать неоткуда.

- Это не так. Всегда найдутся добрые люди, помогут.

– Вы извините меня, что вот так, беспардонно я с детьми свалилась вам на голову, да еще нагружаю своими проблемами. Но вот, знаете, рассказала, и стало как-то полегче, честное слово.

Роман взял Настю за руку.

– Слушай, давай всё-таки на «ты».

Она тихо вздохнула:

– Хорошо. Но мне всё-таки как-то неудобно.

Неожиданно он наклонился к ней и коснулся губами ее губ.

– Извини, – сказал он тихо. – Я не хотел тебя обидеть. Просто ты такая красивая в лунном свете, что я не удержался. Спокойной ночи. – Он встал. – Утро вечера мудренее.

Настя еще долго сидела на балконе, задумчиво глядя вдаль. Начинаясь новый этап ее жизни, и она опасалась, что он может оказаться не таким доброжелательным, как этот вечер в чужом доме.

* * *

Роман никогда не вставал поздно, но в этот раз он удивился, что Настя встала еще раньше его. Он застал ее на кухне хлопочущей у плиты. На столе в блюде возвышалась аккуратная горка блинчиков.

Увидев Романа, она смущенно поправила прядь волос.

– Вот, решила похозяйничать. Нашла у вас муку, угощайтесь блинами. Дети тоже любят, сейчас я их разбужу.

– Как же здорово! И, наверное, вкусно! Соскучился я уже по таким завтракам. В последний раз блинчики мне пекла мать, царство ей небесное. – Роман сел за стол и отправил блин в рот. – М-м-м... Язык можно проглотить. У меня через два

дома баба Ира корову держит. Мне-то одному молоко ни к чему. А вот сегодня зайду, будем утреннее или вечернее брать. Детям полезно. Опять же, у нее и молоко, и сметану, и творог можно купить.

– Рома, вам очень идет форма полицейского, – заметила Настя.

– Спасибо. – Рома допил чай и встал из-за стола. – У тебя на детей документы есть?

– Да, конечно. Свидетельства о рождении, медицинские полисы, медкарты, всё, что полагается. А что?

– Вот и чудесно! Алинку пристроим в детский садик. Да, не удивляйся, у нас в поселке есть свой детский садик и очень даже хороший. А вот школы нет. Понимаешь, детишек школьного возраста почти не осталось. Их родители по городам разъехались, вот у нас школу и закрыли. Зато школа есть в соседнем посёлке, это в десяти километрах от нас. У нас есть несколько ребят, которые ходят в школу, их по утрам отвозит на «рафике» Егор, сосед мой. А вечером после уроков забирает.

– Роман, остановитесь! Какой садик? Какая школа? Где мы здесь жить будем? У тебя? Я так не могу. Это как-то... Ты не обязан.

– А ты меня ни к чему и не принуждаешь. Разве тебе плохо у меня?

– Хорошо. Очень хорошо.

– Тут природа прекрасная, воздух. Ты думаешь, в каком-то центре детям будет лучше? Поживи пока в Дроздах, осмотришь, приди в себя. Почему надо обязательно жить в каменных джунглях? Оставайтесь здесь. Живу один, словно сын. Вчера вечером я был счастлив с вами, да и утро началось... с блинов, – улыбнулся Роман.

– Но на каком основании? – Настя теребила в руках кухонное полотенце.

– Считаю, что моя квартирантка. Снимаешь у меня жилье, – предложил ей Роман.

– Хорошо, но тогда, когда я устроюсь на работу, я буду платить тебе.

– Можно я буду брать завтраками?

– Роман, я серьезно. Я соглашусь только на этом условии. Пойми, мне неловко. Я так не привыкла. Буду считать себя обязанной, а мне этого в жизни хватило с головой.

– Я понимаю.

– Вот и хорошо. Ладно, мы поживем у тебя, только с работой нужно что-то решать.

– Всему свое время.

– Мама! С добрым утром! Дядя Роман! Ой, блинчики! Мне самый большой! А варенье есть? – Дети скатились с лестницы и с шумом уселись за стол.

Пока они завтракали, Настя передала Роману документы на Алину.

Он положил на стол десять тысяч рублей.

– Настя, прошу, купи продукты. А с молоком я договорюсь. До вечера.

И не успела Настя ничего ответить, как он вышел из дома.

Настя повернулась к детям.

– Дядя Роман предлагает нам временно пожить у него. Алина пойдет в садик, Толик будет ездить в школу на «рафике». Как вы, согласны?

– Я не против. Он добрый. В деревне хорошо. В речке рыбу можно ловить.

– И купаться, – добавила Алина.

– Вот и договорились. Вы сидите тихо, не балуйтесь, а я в магазин.

Настя взяла большую хозяйственную сумку, положила в кошелек деньги, оставленные Романом, и вышла на знойную улицу. Солнце уже припекало вовсю. Деревенская улица, которая вела к магазину, была довольно пустынна. Изредка, обдавая Настю тёплой пылью, мчались велосипедисты, одинокая старуха тянула за верёвку козу, которая упиралась всеми четырьмя копытами и мекала. Настя прошла мимо старухи и поздоровалась, старуха ответила ей кивком и проводила долгим взглядом – Настя ей была незнакома. На поселковой площади копались в пыли куры, бродил важный петух. Красный пупырчатый гребень свешивался ему на один глаз, и петух гордо клокотал, напоминая важной походкой фельдмаршала Кутузова. Настя улыбнулась своим мыслям и толкнула обитую железом тяжелую дверь продмага.

За прилавком одиноко стояла полная продавщица, которая тут же с любопытством уставилась на Настю, бросив расставлять консервные банки на полке. Пахло в магазине вкусно – свежее испеченным хлебом, чем-то сладким и чем-то очень-очень деревенским.

Настя улыбнулась и поздоровалась. Продавщица кивнула высокой прической, на которой кокетливо угнездилась шапочка продавца. Настя окинула взглядом прилавки и стойку с только что привезенным хлебом.

– Мне, пожалуйста, две буханки чёрного и две белого, – попросила она.

Продавщица моментально подала хлеб и защелкала на калькуляторе.

– Что еще?

– И еще две пачки пельменей, треску мороженую, капусту и триста граммов печенья с апельсиновым джемом.

– Что еще?

– Всё, спасибо. Я больше не дотащу. – Настя стала укладывать покупки в сумку.

Продавщица без обиняков спросила:

– А ты чья сама-то будешь? Что-то я тебя не знаю. Дачница?

Настя обрадовалась.

– Да, я дачница. С детьми комнату снимаем.

– У кого? – Продавщица с нескрываемым интересом наклонилась к Насте через прилавок. Три золотые цепочки качнулись на ее мощной шее.

– У участкового. У Романа. Знаете?

– У Ромки? Кто ж его не знает. Парень что надо. Между прочим, холостой, с женой разбежался. Он же у нас герой! А я вот тебе расскажу. Он из огня вытащил троих детей, сам обгорел, ему орден дали. Все ждали пожарных, а Роман Михайлович сам в огонь полез. Если бы не он, то дети бы погибли. А пожарные-то позже приехали. Не успели бы они, если бы не Ромка! А другой раз под лед человек провалился. МЧС вызывали, а спасать под лед в сорокаградусный мороз, обвязавшись веревкой, снова нырнул Роман. Ромку у нас все любят, уважают. – Продавщица подмигнула Насте. – У него от девок отбоя нет, – словоохотливо продолжала она. – Женился он на Ленке из соседней деревни. Видная девка была, но уж больно гулять любила: где тут какое веселье – она там первая. Песни до утра горланит и безобразничает. Любил ее Ромка крепко, всё терпел. Сына она ему родила Данечку. Хорошенький такой мальчишечка, ладный. А потом зацепилась за богатого приезжего мужика и укатила с ним. На Ромку смотреть было страшно. Но сейчас вроде всё у него в норме. – Продавщица доверительно сообщила Насте: – А на будущее знай: овощи – картофель там, морковь, свёклу, зелень всякую покупай у местных, у бабы Любы или бабы Зины. Они этим промышляют. Адрес Роман подскажет. Бабки с огорода живут, у них цены божеские и товар отличный. Без химии, сплошные витамины. А ко мне за крупами, мучкой, сахаром, конфетками. Хочешь вина? Только завезли. Румынское!

– Нет, спасибо. Было приятно поговорить. Спасибо за совет. А вот еще хочу у вас спросить... – остановилась у дверей Анастасия. – Нужна ли тут кому рабочая сила? Работу ищу. Любую.

Продавщица цепким взглядом окинула ее хрупкую фигурку.

– Да какая тут работа... Многие в город ездят. У нас одни старики да старухи, бедно на пенсию живут. Вот если у дачников спросить, или у Светланы Дмитриевны.

– А кто это, Светлана Дмитриевна.

Продавщица махнула рукой.

– Дама богатая. Дом у нее здоровущий, нанимает сезонных рабочих. Иди от магазина направо, повернешь в первый переулок – там и увидишь. Не ошибешься.

– Спасибо. – Настя толкнула дверь и пошла, тяжело нагруженная, домой. Выгрузив продукты и положив пельмени в холодильник, она постучала в калитку соседнего дома.

– Есть кто дома?

Вышла бойкая старушка, у которой Настя купила овощи, курицу и зелень.

Настя сварила борщ, накрутила котлет, покормила детей и велела им играть около дома и ни в коем случае не ходить одним на речку. Она причесалась, надела нарядное платье, босоножки и отправилась искать дом Светланы Дмитриевны.

Дом, действительно, напоминал дворец и выглядел очень монументально. Сквозь кружевной кованый забор и ворота с позолотой просматривались розовые кусты, белые садовые фигуры и фонтан.

Настя молча рассматривала все это великолепие, когда в поле ее зрения появилась коренастая невысокая женщина с коротко стриженными седыми волосами.

– Здравствуйте, – поздоровалась Настя. – Могу я поговорить со Светланой Дмитриевной?

Женщина медленно приблизилась, пристально разглядывая через прутья ограды. Взгляд у нее был тяжелый, неприятный. Испачканные в земле руки она вытерла о свой спортивный костюм.

- Это я, - наконец сказала она.

- Меня зовут Анастасия. Я ищу работу. Мне подсказали, что, возможно, в вашем большом доме найдется для меня какая-нибудь работа.

- Работа? - усмехнулась пожилая дама. - Ну, что ж. Проходи. В таком огромном доме и на такой большой территории, как ты правильно отметила, работа найдется. Текучка у меня большая. Хозяйка я требовательная.

- Я буду стараться выполнять ваши требования. Мне очень нужна работа.

- Ну, что ж... Я тебя познакомлю с моими работниками, раз ты настроена так серьезно.

Она отворила калитку, и Настя вошла в сад. Около большой груши возился грузный пожилой мужчина.

- Мой садовник, - пояснила хозяйка.

Настя осмотрелась. На пятидесяти сотках росли вишни, яблоки, сливы. Около забора топорщились кусты черной и красной смородины, крыжовник и малина. Забор и ворота оплетал виноград, и это было очень красиво. Около дома стояла тенистая беседка, мангал, на котором готовили шашлыки.

В саду на пятидесяти сотках поместья главным был садовник Иван Петрович. Проход к калитке был выделен кустами живой изгороди из цветущих роз. Вдоль дорожки цвела нежно-сиреневая лаванда. На участке были баня и открытый бассейн, возле которого стояли шезлонги. Около крыльца росла пушистая ель. Настя догадалась, что ее, наверное, наряжали зимой на Новый год. За домом располагались парники.

- Не могу без этого пережитка советского прошлого, - пояснила хозяйка. - Хочется своего. Хотя деньги есть, и могли бы купить, но свое вкуснее.

В доме был подвал и три огромных этажа, которые убрали две девушки-уборщицы или горничные, Настя не знала, как их правильно назвать. По внешнему виду Ольги и Марины было заметно, что они впахивают в этом доме, словно пчёлки. Дом был огромным, уборка была нешуточной.

Осмотрев дом, Настя с хозяйкой вышли на улицу.

Вдруг мимо Насти проскакал высокий худой мужчина. Он странно засмеялся, увидев ее. Одет он был тоже чудно?, в какой-то золотой развевающийся плащ. Он продолжал радостно скакать и прыгать вокруг них. Настя растерялась, а хозяйка пояснила:

- А это мой сын Сережа. Он особенный. Живет в своем мире. Ты не бойся.

- Понятно. Привет, Сережа!

Для Анастасии был установлен испытательный срок в две недели с оплатой в десять тысяч рублей в неделю. Она должна была выполнять все, что скажут девушки в доме и Иван Петрович в саду. Быть, так сказать, у всех на подхвате, а позже хозяйка определится, где Настя будет полезнее, чтобы потом уже закрепить за ней рабочее место.

Хотя у Светланы Дмитриевны был не совсем здоровый взрослый сын и все работники в доме были весьма немногословными, работа Насте понравилась. Она так радовалась, что ее вообще куда-то взяли! Она решила, что будет очень стараться.

Вечером она ждала Романа с готовым ужином.

- Устал? - спросила Настя.

- Нет, сегодня был обычный день. Я в душ.

- Потом приходите на кухню, то есть приходи, - поправила она. - Будем ужинать.

– Я договорился, – сказал Роман, – завтра поведем Алину в садик. В группе ее возраста двенадцать детей, хорошая воспитательница, прекрасная территория. Мой сын туда ходил, нам всё нравилось. – На его лицо набежала тень.

– Где они? Жена и твой сын? – дотронулась до его руки Настя.

– Сейчас в Москве.

– Ты часто его видишь?

– Я езжу на выходных, иногда удается увидеть, иногда даже дверь никто не открывает. У меня на руках есть решение суда, но не могу же я каждую субботу вызывать судебных приставов и приходить с ними, пугать сына?

– А я работу нашла, – похвасталась Настя. – Завтра съезжу с сыном в школу и уже во второй половине дня пойду на работу.

– Так быстро? – удивился Роман. – Что за работа?

– Я узнала в магазине. Кстати, продавщица такая приятная словоохотливая женщина! Она меня просветила, какой ты герой и какой хороший человек.

И Настя рассказала Роману, где она оказалась, с кем познакомилась и чем ей завтра предстоит заниматься. Она тараторила без умолку и остановилась только, когда посмотрела в его глаза. У Романа были удивительные темные глаза, Настя отметила его внимательный взгляд и выразительные губы. Он был усат, и усы ему очень шли.

– Как ты быстро туда попала, – заметил Роман.

– Мне надо поскорее встать на ноги. Я скоро заплачу тебе за жилье, я же обещала! – улыбнулась Настя.

– Почему ты по жизни всего и всех боишься? Всё время хочешь что-то доказать, и спешишь. Неужели ты думаешь, что я не поверил, что ты честная женщина? У меня, может, небольшой опыт общения с женщинами, но мне и в голову не пришло подумать, что ты – корыстная особа, которая хочет получить чужое или

пристроиться в тёплом местечке. Неужели ты думаешь, что вы меня обременяете? Да я впервые домой спешу! Знаю, что меня встретят не пустые комнаты и холодный стол. Мне повезло познакомиться с вами, правда! Зачем ты хочешь так быстро выйти на работу? Тебе надо прийти в себя, осмотреться. Просто пожить. Я, может, не очень богатый, но зарабатываю достаточно, и в твоих деньгах не нуждаюсь.

Ужин к тому времени подошел к концу. Каждый помыл за собой тарелку. Настя сухо сказала:

– Не знала, что ты так отреагируешь, я хотела как лучше. Извини. Дети, спать. – И увела их с собой, закрыв дверь.

Промучившись час, потому что не шел сон, Настя вышла на балкон подышать воздухом и успокоить сердце. В кресле сидел Роман, на столике перед ним стоял бокал красного вина.

– Вышла все-таки. Я надеялся, ждал тебя. Извини меня, я не должен был тебе давать советы, когда меня не спрашивают, и давить на тебя. Нашла работу, и хорошо.

– Это я виновата. Ты к нам с добром, а я веду себя как истеричка.

Роман подошел к ней и обнял.

– Всё хорошо. Ты словно милая, потерянная девочка, которая всё время обороняется. Знай только одно: мне ничего доказывать не надо. И не держи постоянно оборону, я не желаю тебе ничего плохого. Я только поддерживу.

Настя даже не поняла, как ее губы нашли его губы, и они слились в поцелуе.

Настя отпрянула от него. Роман, увидев страх и растерянность в ее глазах, спросил:

– Я должен извиниться? Я этого хотел. Меня очень сильно влечет к тебе.

– Нет-нет, всё хорошо. – Настя отвернулась и убежала в комнату.

Нельзя было сказать, что этот поход на балкон успокоил ее нервы и приготовил ко сну. Наоборот, ее сердце бешено колотилось, щеки горели, а губы помнили вкус его поцелуя. «Господи! На второй день знакомства. Как это возможно? Но меня так влекут его притягательные глаза, его улыбка. Я никогда такого не испытывала, я даже не знаю, что мне делать...»

Точно так же не смог спокойно спать в эту ночь и Роман. Он тоже не ожидал от себя таких эмоций к этой худенькой и очень нежной молодой женщине. Обычно застенчивый и долго думающий, он вдруг сам стал проявлять инициативу и поделаться с этим ничего не мог.

* * *

Настя механически проводила влажной тряпкой по поверхностям шкафов, полок и других предметов. Это была третья комната, которую она сегодня убирала. Оля и Марина объяснили ей требования хозяйки, показали, на какие коварные места обращать внимание, потому что здесь Светлана Дмитриевна может проверить, чтобы подловить. И схему уборки объяснили. Сначала вверх, потом всё ниже, ниже и в заключении – пол. Люстры моют раз в месяц, достают специальные высокие лестницы, это очень тяжело. Хорошо, что раз в месяц, а вот всё остальное – каждый день. У Серёженьки было два приступа, похожие на астматические, так хозяйка с ума сошла на почве домашней пыли. Поэтому требуется влажная каждодневная уборка, очень тщательная.

– А что с Сережей? Почему он такой? – поинтересовалась Настя.

– Родился таким. Ему уж за двадцать, а он как четырехлетний ребенок. Но он безобиден, мы тоже сначала пугались, – ответила ей Оля, озираясь по сторонам, словно их могли подслушать. – Всё время играет.

Словно в подтверждение ее слов мимо них пробежал этот великовозрастный детина с топором в руке и с криком: «Я Робин Гуд!» Зрелище было не для слабонервных.

– На него не надо обращать внимания, Сережа сам не пристаёт, он вот так весь день сам с собой занят, – пояснила Марина.

Во второй половине дня на весь дом раздался крик хозяйки:

– Помогите! Помогите! Все на улицу! Вызовите «скорую»!

У Насти внутри всё похолодело, она как-то сразу поняла, что Сережа с топором в руках совсем не безопасен. Так оно и произошло. Садовника Ивана Петровича придавило огромной грушей, он получил травмы обеих ног. Собравшиеся женщины общими силами смогли приподнять ствол и вытащить раненого Ивана Петровича, в этот момент подъехала «скорая». Врач осматривал пострадавшего на месте, когда пришел Роман в форме полицейского. Его взгляд задержался на Насте, но он только кивнул ей. – Что у вас случилось?

Светлана Дмитриевна рассказала, как обнаружила садовника. Сам Иван Петрович был в уме и памяти, он сообщил, что работал на клумбе, ничего не видел, дерево на него повалилось... острая боль и всё! На мгновение от боли он потерял сознание, и даже если кто и был рядом, то садовник никого не заметил.

Роман осмотрел место происшествия.

– Явный подпил ствола дерева, вернее, топором кто-то поработал, – сделал он заключение.

Девушки испуганно переглянулись. Роман заметил это движение, а также явный страх и изумление у них в глазах.

– Что такое? Вам что-то известно?

– Нет, – замотали головами девушки.

Роман посмотрел на Настю, на ее лице отразилась сложная гамма чувств.

– А вы что-нибудь видели?

Настя подумала, что сейчас потеряет сознание. Она не могла, да и не хотела врать, тем более человеку, который сделал для нее столько добра. Но сказать такое под пристальным взглядом Светланы Дмитриевны и девушек – это и их подставить, и работу потерять. Настя не знала, что ей делать. Внезапно на

выручку пришла сама хозяйка дома Светлана Дмитриевна.

– Девушки боятся сказать, что видели сегодня моего Сереженьку, который бегал с топором. Я видела, что он бросил его в саду за качелями. В любом случае, он его брал в руки и его отпечатки будут на топоре. Но ты же знаешь, Роман Михайлович, что он у меня и мухи не обидит.

– Насколько мне известно, садом у вас занимается садовник. А Сергей бегал и играл с топором. Неужели никто не слышал, когда он рубил грушу? – здраво озвучил мысли окружающих Роман.

– Роман, ты же понимаешь, что это несчастный случай! Ты что, Сереженьку привлечь хочешь? Куда он без меня? У него же паника начинается, если он меня не видит. Он же ничего не скажет всё равно! Он больной человек, его нельзя привлекать!

– Если Иван Петрович напишет заявление...

– Не напишет, Рома! Не напишет! Роман Михайлович, я оплачу лечение, я выплачу Петровичу большую премию, компенсацию! Можешь с ним поговорить, он не будет в обиде, обещаю! – горячо воскликнула Светлана Дмитриевна.

– Вы бы поаккуратнее с колюще-режущими предметами, – сказал Роман, еще раз посмотрел на Настю и удалился.

* * *

Шли дни. Настя отводила Алинку в садик, а вот забирали малышку Роман или Толик. Анатолий подружился с соседскими ребятами, и вроде как был доволен. Они приняли его в свою компанию. Они уже откуда-то знали, что отца Толика «грохнули», что у него остались только мать и младшая сестрёнка, и что живут они в доме участкового Романа Михайловича.

Садовник, конечно, не стал заявлять на сына хозяйки, объяснив, что произошел несчастный случай – груша была старая и почти полая внутри. Еле держалась. Светлана Дмитриевна тоже сдержала свое слово и выплатила Петровичу приличные деньги «на лечение».

Хозяйка Настю как бы не замечала, но у Насти было такое ощущение, что та очень даже внимательно следит за ней. Она перевела Настю работать в сад. Конечно, не выполнять тяжелую физическую работу, а прополоть, подмести дорожки, протереть фонарики, которые зажигались на территории к вечеру, включать и выключать на ночь фонтан, следить за бассейном, в воду которого ветер постоянно наносил листву и прочий мусор.

Вечером Настя усталая возвращалась домой, готовила ужин на скорую руку, все ужинали под оранжевым абажуром и расходились по своим комнатам. Настя встречалась с Романом на балконе, они говорили о жизни, об искусстве, о любимых фильмах и пожирали друг друга глазами. Роман целовал ее.

- Долго мы так? - спрашивал он.

- Как? - пыталась уйти от ответа Настя.

- Как школьники. Пойдем ко мне в комнату.

- Я не знаю. Не торопи меня, Роман. Я должна понять, что ты значишь в моей жизни.

- Все мужчины разные, я не собираюсь тебя обижать. Где мы были раньше, до того, как ты вышла замуж, а я женился?

- Это риторический вопрос. Обычно влюбленные задают его друг другу.

- А мы влюбленные?

- Рома, я не знаю! Я еще ничего не решила. У меня дети, я отвечаю не только за себя, понимаешь?

Роман соглашался, но выпустить из своих объятий Анастасию не мог.

И вот однажды Настя возвращалась домой после работы, она знала, что Роман сегодня придет поздно, так как его вызвали в Москву. Он предупредил ее, что привел Алинку домой. На душе у нее было радостно и спокойно. Даже дети

заметили, что в последнее время она изменилась. Она все время улыбалась, потому что чувствовала себя счастливой.

Около дома она заметила чужую машину. Как только Настя поравнялась с ней, хлопнула дверца и перед ней возник... Кирилл Олегович.

- Ну, привет, беглянка, - сказал он.

- Здравствуй, - ответила удивленная Настя. - Ты как здесь?

- К тебе в гости приехал. Принимаешь гостей, Анастасия?

- Прости, мне сейчас не до гостей, - Анастасия попыталась обойти его, но он преградил ей путь.

- Нехорошо получается, дорогуша! Я к тебе с любовью, а ты нос воротишь? Смотри, не пожалей! - И он попытался схватить ее за руки.

Настя вырвалась.

- Пустите, Кирилл Олегович!

- О как! Кирилл Олегович! К чему такой официоз, Настенька? Зови меня просто - Кирилл.

- Отстань! Мне некогда.

Кирилл Олегович сжал ее руки словно клещами и стал подталкивать к машине.

- Да ладно тебе! Не ломайся. Ты такая красивая, утонченная женщина, что ты делаешь в этой деревне? Я же всё для тебя сделаю! Будешь ходить в мехах и шелках. Чего ты противишься? Забыть тебя не могу! Всё равно моей будешь! - Он стал силой усаживать ее в машину.

Настя очень испугалась. Она закричала и стала вырываться изо всех сил. Под конец она даже укусила насильника за руку.

Тот отдернул руку и удивленно посмотрел на нее. – Ты что, сдурела? – спросил он.

– А что тебя не устраивает? Ты только с покорными дело имеешь? Давай, катись отсюда, пока соседи не набежали на это представление!

Неожиданно рядом с ними появился Роман в форме участкового.

– Что тут происходит? – поинтересовался он. – Анастасия Михайловна, кто этот человек?

Настю трясло, как в лихорадке. Она с трудом справилась с собой.

– Этот? – посмотрела она на негодея. – Так... один прощелыга. Хочет, чтобы я стала его содержанкой.

– Что?! – Роман шагнул к насильнику.

Тот отпрянул и поторопился сесть за руль.

– Ваши документы, – потребовал Роман.

Кирилл Олегович подал ему водительское удостоверение, не поднимая на него глаз.

– Подонок! – сказала Настя и добавила: – Отпусти его, Роман! Пусть катится. И никогда сюда не возвращается! Слышишь!

Роман молча вернул документ водителю и так посмотрел на него, что тот торопливо завел стартер и нажал на газ.

Роман обнял Настю.

– Успокойся. Всё. Ни на минуту оставить нельзя. Буду тебя с работы встречать.

– А ты раньше, чем я ожидала, – улыбнулась Настя.

– Соскучился. Как почувствовал.

Эту ночь они провели вместе, и Настя поняла, что такое женское счастье. У нее словно выросли крылья. На работу ей на следующий день надо было к полудню. С утра она успела понежиться в постели, и Роман принес ей кофе в постель.

– Ой, что-то я разоспалась! Надо скорее менять место дислокации, а то что дети подумают? – испугалась Настя. – Надо им завтрак готовить.

– Спыхватилась, – улыбнулся Роман. – Алинку я в садик отвел, а Ромка с ребятами на утренней зорьке ушел на рыбалку.

– Дети хотят, чтобы мы были вместе. Я интересовался. Успокойся, – поцеловал ее Роман.

На работу Настя пришла в прекрасном настроении. Она ясно понимала, что влюбилась в Романа – сильно, страстно, раньше она никогда ничего подобного не испытывала. На подходе к дому ее перехватила взволнованная Ольга, одна из горничных.

– Настя, не ходи сейчас туда!

– Как? Почему?

Ольга схватила ее за руку и затараторила:

– Там такой ужас! Я теперь не засну! Кишки, кровь...

– Какие кишки? – не поняла Настя.

– Сергей опять отличился. Выпотрошил ножом нашу кошку Нюську, представляешь? Кровь по всей гостиной, кишки на люстру закинул, с них капает! Да он настоящий маньяк! Убийца! Ведь это он Ивана Петровича на больничную койку уложил. Скоро и до нас дело дойдет... Ему же за это ничего не будет. Сумасшедший...

– Это нельзя так оставлять! – воскликнула Настя. – Сначала игры с топором, теперь кошку искромсал. Светлану Дмитриевну предупредили, чтобы она следила за сыном и убрала все колюще-режущие предметы с поля его видимости. Почему он продолжает носиться по дому с острыми предметами? Он же опасен! Почему нож опять оказался в руках Сережи?

Глаза Ольги наполнились слезами:

– Настя, Ньюську жалко! За что он ее? Шесть лет в доме жила, такая ласковая, пушистая... У-у, гадёныш... – погрозила Ольга кулаком. – Самого бы убила...

– Совершенно согласна. Оля, сегодня кошка, завтра – человек! Никому нет дела. Надо в полицию заявить.

– Чтобы нас Светлана Дмитриевна тут же из дома турнула? Подумаешь, велика беда! Кошку выпотрошили! А кому тут жаловаться? Участковому? Он – хороший мужик, но против хозяйки точно не пойдет. Они же родственники! Это же его брат!

– Какой брат? – не поняла Настя.

– Сергей брат Романа. Сводный. Ты не знаешь? Думаешь, что всё это добро Светлана Дмитриевна сама заработала? Как бы не так! Муж у нее очень богатый был, Михаил Валерьевич Сорокин. В девяностых подсуетился, большие бабки заработал, капиталец сколотил. Он тут и землю купил, и домище этот отстроил. От первого брата имел сына Романа, он теперь наш участковый. А вторым браком женился на Светке-горгоне, ядовитой змее. У них родился больной мальчик Сережа. Когда Михаил Валерьевич отдал богу душу, мачеха Романа из дома выперла, боялась, что наследство нужно будет делить. А она жадная – страсть. Роман хоть и участковый, но против больного брата дело заводить не станет. Эй, Настя! Ты чего? Чего ты побледнела так? Настя, Настя, тебе плохо?!

Ольга помогла Насте сесть, ту не держали ноги. Как она отработала этот день, Настя почти не помнила.

– Собираем свои вещи! Быстро! – велела она детям, вернувшись с работы.

- Мама, а что случилось? - не понял Анатолий.

- Уезжаем мы, чего непонятного? Быстрее.

- Мы бежим? А дядя Рома знает? Почему так неожиданно? - не понимал сын, укладывая свои вещи в рюкзак.

- Ничего не спрашивай, просто уходим. - Слёзы текли по щекам Насти.

- Так неправильно, мама. Мы должны попрощаться с дядей Ромой, - сказала Алина.

- Вы думаете? - выдохнула Настя. - Хорошо, я сейчас схожу к нему на работу и попрощаюсь. Вы сидите здесь, я закажу машину.

- Только не обманывай! Передавай ему привет! - крикнула ей вслед Алинка.

На негнущихся ногах Настя подошла к местному отделению полиции. У машины с надписью «Полиция» стоял парень в форме и курил.

- Как мне с Романом Михайловичем поговорить? - спросила у него Настя.

Парень подозрительно посмотрел на нее.

- Это по какому вопросу?

- По личному.

- А вон же он идет! Роман! Тут к вам!

Настя, увидев Романа, потеряла сознание и очнулась уже в его кабинете, когда Роман приснул ей в лицо холодной водой.

- Настя, ты пугаешь меня! Что с тобой? Может, врача?

- Нет-нет. Я сама во всем виновата! Я такая дура! Сама виновата.

– В чем ты виновата, Настенька? – не понимал Роман.

– Ты сын Михаила Валерьевича? Я не знала. Я только сегодня узнала, клянусь тебе! Я же тоже его искала, ты помнишь, я тебя в первый день о нем спрашивала, но не сказала для чего. Я его дочь! Моя мама в этой деревне жила. Произошло кровосмешение – и все из-за меня! – заплакала Настя. – Впервые в жизни я влюбилась, почувствовала себя счастливой и вот на тебе... Прости.

Роман опустил перед ней на колени.

– Девочка моя, как я рад это слышать.

– Ты с ума сошел?! Что тут радостного? Инцест. Это такой кошмар!

– Успокойся! Михаил Валерьевич усыновил меня в возрасте двух лет, когда женился на моей матери. Он дал мне свое отчество и фамилию, но по крови я ему совсем чужой человек.

– Правда?! – счастливо улыбнулась Настя. – А я чуть с ума не сошла! А мне мама свою фамилию дала, потому что он бросил ее и не захотел участвовать в нашей жизни.

– Знаешь, это совсем не похоже на отца, – задумался Роман. – Он был видный, веселый мужчина, любил женщин, гуляка. Но чтобы бросить ребенка... не знаю... Он чужого принял, а от своего отказался, прямо не верится. Сережку больного очень любил и никогда бы не ушел из семьи с больным ребенком. – А почему ты оказался вне семьи? – спросила Настя.

– Моя мама умерла от онкологии, отчим очень переживал, ну а потом встретил Светку-гадюку и женился на ней. Отношения у нас как-то сразу не сложились. Нет, никакого криминала не было. Я понимал, что она не обязана меня любить, я ей никто, все ее мысли и силы были направлены исключительно на собственного больного сына. Поэтому, как только мне исполнилось восемнадцать, я ушел, но отец и тогда мне помог с жильем, да и вообще не бросал. Он был неплохой человек. А ты успокойся, всё хорошо.

Настя и Роман провели очередную ночь вместе, после чего Настя рассказала про растерзанную кошку.

– Представляешь? А я даже и не знала, что устроилась работать в дом своего отца. Светлана Дмитриевна, думаю, тоже не в курсе. Всё равно его уже нет. Жалко, я не успела с ним познакомиться, – сказала она.

– Я найду фотоальбом и покажу тебе снимки. Ты на него совсем не похожа.

– Я знаю, я вылитая мама, царство ей небесное, – согласилась Настя. – Но мама меня обмануть не могла.

– Да это легко доказать. Твой единственный генетический родственник – Сергей. Можно провести тест ДНК на установление родства, у вас он будет одинаковый, не сомневаюсь. А вот то, что ты рассказала мне про кошку, это очень печально. И очень неожиданно. Никогда раньше у Сергея не наблюдалось такой агрессии. Мне не нравится, что ты там работаешь. Хочешь, я поговорю с председателем колхоза, и ты пойдешь к нему по специальности – бухгалтером? – спросил Роман.

– Это хорошее предложение. Но я никогда не работала по специальности.

– Ничего. Вот и начнешь. Наберешься опыта.

– Не могу пока девочек бросить, они так рады, что я появилась, им тяжело вдвоем. А сейчас еще и садовник на больничной койке. Да и Светлана Дмитриевна ко мне хорошо относится, как ни странно. Говорят, что такое бывает нечасто.

На том они тогда и порешили. Настя вообще пребывала на седьмом небе от счастья, потому что ее самые страшные опасения рассеялись, они с Романом не родные по крови, и между ними может быть любовь.

* * *

В очередной раз Настя пришла на работу опять во вторую смену. Светлана Дмитриевна иногда делила работу горничных на утреннюю и вечернюю смены.

– И вам так легче по полдню работать, и у меня чистота дольше будет сохраняться, – так она объясняла. – Настя, перенеси вещи, которые я вытащила из подвала, в сарай. Мне сегодня нездоровится, – сказала Светлана Дмитриевна, держась за поясницу. – Что-то спина болит, я у себя полежу. Вещи не тяжелые. Пледы, книги, спортивный инвентарь – мячи, ракетки. Ты маленькими частями носи.

Настя приступила к выполнению работы. Она взяла несколько плетеных корзинок и мяч под мышку и потащила в сарай. Для этого надо было выйти из дома и обогнуть дом. Что Настя и сделала. Как только она вошла в сарай, дверь за ней закрылась. Она вздрогнула и обернулась.

– Иван Петрович? Вы? Как вы здесь оказались? Вы уже выздоровели?

Пожилой мрачный мужчина исподлобья смотрел на нее.

– Не совсем еще выздоровел. Мне не очень нравится то, что я сейчас должен буду сделать, но, будь уверена, я это сделаю. Ты для меня никто, а Светлана Дмитриевна – моя хозяйка, а после смерти ее мужа даже больше, чем хозяйка, если ты понимаешь, о чем я.

– А что случилось? – растерялась Настя.

Садовник открыл дверь, вышел и сразу же плотно закрыл ее за собой.

Настя подлетела к запертой двери и попыталась ее открыть.

– Эй, откройте! Вы что?! Иван Петрович!

И тут Настя услышала спокойный голос Светланы Дмитриевны:

– Ты думала, что я ничего не знаю? У меня в жизни два раза случился кошмар. Первый раз, когда твоя мамаша с животом приволоклась ко мне в дом с заявлением, что у нее будет ребенок от Михаила. Я тогда сообщила ей, что я его официальная жена, что у нас была свадьба и что я тоже беременная. А над ней он просто посмеялся, и теперь все будут знать, что она шалава. Я обманула ее, я не была тогда еще официальной женой Михаила и не была беременной. Я тогда

чувствовала, что он увлечен другой женщиной и запутался между нами. И я, как более умная и хитрая, заставила Мишу принять правильное решение. Твоя мать сбежала в город, то, что она носит ребенка, я Мише не сказала, он так этого никогда не узнал. Он искал ее, но я была рядом и сделала всё, чтобы женить его на себе. Через два года мы сыграли свадьбу и еще несколько лет ожидали появления нашего первенца. Он родился таким, каким родился. Это был мой первый ребенок и второй Михаила. Он больше не захотел иметь детей. Десять лет назад его не стало. Он оставил много денег. В банке у меня лежит вклад, я ежемесячно снимаю проценты и на эти деньги живу, содержу этот огромный дом, который муж оставил мне и моему больному сыну. Он позаботился о нас. Я могу безбедно существовать. Из этих же денег я плачу обслуживающему персоналу, потому что такой дом требует ухода. И вот прошло столько лет, и кошмар повторился. На горизонте появилась ты. Словно вернулась твоя мать. «Можно у вас поработать?» Ты меня за дуру держишь? Я сразу же поняла, что ты ее дочь от Миши. Но я не готова расстаться со своим положением. Я знаю, что имущественные споры решаются в течение трех лет. Но если ты докажешь, что была не в курсе, что близкий родственник умер, то через суд ты отчекрыжишь треть всего состояния. А ты это докажешь. А я этого допустить не могу! И не допущу! Сейчас произойдет очередной несчастный случай, тренировки у нас уже были. Сарай загорится и сгорит дотла. Потом найдут спички и канистру с отпечатками Сергея.

Пока она держала речь, Иван Петрович, видимо, пошел обливать сарай бензином. Специфический запах ударил в нос Насти.

– Нет-нет! Не надо! Прошу вас! Не делайте этого! Я ни на что не претендую! Я даже не знала, что к этому дому имеет отношение мой биологический отец! Вы же не сожжете живого человека?!

– Это не мы сожжем, а мой нездоровый сын. А что с него взять? В тюрьму его не посадят! Баловался со спичками. Бывает...

– Да вы ненормальные! Так груша и кошка были делом ваших рук?

– Ты ужасно догадлива. Странно, что наша доблестная полиция не догадалась, почему несчастные случаи начались с твоим приездом. Хотя, ты же у нас такая скромная, как и твоя мать, никому не сказала, что ты дочь Михаила. Все тайны сейчас сгорят дотла. Я никому не дам ни рубля из денег мужа. Поджигай, Ваня!

– Остановитесь! Нет! Ты же своего сына подставляешь! Убийство ему с рук не сойдет! – кричала Настя.

– Полежит в «дурке», а потом я его оттуда вытащу. Зато деньги на его же содержание сохраню, а о тебе никто и не узнает!

Внезапно Настя почувствовала жар, идущий от двери и стен, и услышала характерный звук потрескивания дров. Она отшатнулась от двери. Настя поверить не могла, что ее на самом деле решили сжечь. Это было ужасно, хозяйка с садовником действовали как фашисты в годы войны. У Насти даже не было времени осознать, какой страшной смертью она умрет. Она металась по тесному сараю, который неотвратимо наполнялся едким дымом.

– Что вы делаете?! У меня дети! Они останутся сиротами!

– Роман возьмет их, он очень добрый, – это было последнее, что услышала Настя, перед тем как разбилось окно, и в сарай влетел Сережа, на котором уже горела рубашка.

Парень издавал какие-то звуки, был очень возбужден и пытался закрыть Настю руками.

Вместе с разбитыми стеклами и потоком кислорода внутрь сарая проник огонь. Настя сбила пламя с Сергея, но уже повалил такой дым, что она начала задыхаться.

– Сережа! Нет! Там мой сын! Сделайте что-нибудь! Нет! – услышала она крик матери Сергея...

* * *

Очнулась Настя в местной больнице. Медсестра рассказала ей, что случилось.

– С тобой всё хорошо. Отравилась угарным газом, но это пройдет. У Сережи небольшой ожог, с ним тоже всё будет нормально. Сорокина и Петрович во всем признались. Такого злодеяния местные власти и не припомнят. Они арестованы и, думаю, быстро не выйдут. А спас вас с Сережей наш Роман! Он успел. Ему в

магазине встретила Ольга, она сказала, что у хозяйки ты осталась одна, а Сережа весь день играет в пожарника. Это же надо такое удумать! Своему сыну навязывать игру, а потом под нее устраивать несчастный случай. А кругом его отпечатки. Это не женщина и не мать, она – монстр. А Сережа... он и мухи не обидит.

– Что с Романом? – спросила Настя.

Медсестра отвела глаза.

– Он пока вас вытаскивал, обгорел сильно. Состояние стабильное, но тяжелое. Его в Москву будут переводить.

– Господи! Где он? – вскочила Настя, голова у нее кружилась.

– Не надо... Там... – прокричала ей вслед медсестра.

Настя увидела Романа в палате за стеклом, он был весь в бинтах, но глаза его светились счастьем. Рядом с ним на кровати сидел маленький светловолосый мальчик и собирал головоломку. Настя замерла перед стеклом. К ней подошла красивая блондинка с ярким макияжем и в платье с глубоким декольте.

– Это ты Настя? Ну что же... так я и думала. Я – Елена, жена Романа, а это наш сын. Я знаю, что ты живешь в доме моего мужа, пусть и бывшего. Мы семья, и мы воссоединились. Он ради сына сделает всё. Надеюсь, ты отстанешь от него и займешься собой. Тем более есть чем заняться, – Елена презрительно оглядела ее с ног до головы. – Ты же теперь богатая наследница. А от Ромы отстань. Он всегда любил и будет любить только меня! Зачем ему чужие дети, у него свой сын есть! Я сегодня увожу его в Москву на лечение. От тебя одни неприятности.

Совершенно опустошенная Настя вернулась к себе в палату. В тот же день она уехала из больницы под подписку, что не имеет претензий к врачам. Романа она больше не видела. Судьба одно отнимает, другое дает. А Насте действительно было чем заняться.

Она сняла жилье на другом конце посёлка, подальше от Романа. Прошло несколько месяцев, за которые она успела сделать столько, сколько и за всю

жизнь не делала. Она давала показания следователю. Ей пришлось пройти генетическую экспертизу. Было установлено, что Михаил Сорокин являлся ее отцом, и, значит, она тоже может претендовать на наследство. Настя сделала это больше для Сергея. Она хотела на правах старшей сестры оставить его жить в доме при себе, чтобы его жизнь не изменилась.

Горничные Марина и Ольга по-прежнему работали у нее в доме, а сама Настя пыталась разобраться в этом большом хозяйстве. Денег на жизнь ей хватало. Только нового садовника Настя пока не нашла, и сад потихоньку приходил в запустение, требуя мужских рук. Она всё время вспоминала Романа и плакала по ночам. Но старалась держать себя в руках, понимая, что он имеет право на свое счастье. А это счастье она увидела в его глазах, когда он смотрел на своего сына. Да и жена у него, действительно, была очень красивая, люди не врали.

Не обошлось и без неприятностей: ночью сгорел дотла дом Романа. Обнаружили следы поджога, но кто это сделал, не нашли. Только Ольга совершенно серьезно заявила:

– Это Ленкиных рук дело. Сто процентов, говорю! Чтобы уж все пути Ромке отрезать, эта та еще стерва. Теперь он от нее никуда не денется.

– Нельзя так, не доказано же, – одернула ее Настя. – Они же в разводе!

– В разводе-то в разводе, а живут вместе. Она потаскалась по другим мужикам, наверное, лучше не нашла. Да и сын у них общий, Роман его очень любит. Вот Ленка к нему опять и прибилась. Почему хорошему парню такая стерва досталась?

* * *

Выпал первый снег, зима уже давала знать, что вступает в права минимум на четыре месяца. Настя как-то прошла мимо сгоревшего дома Романа, и сердце ее сжалось. Она вспомнила, как была счастлива с ним.

– Ты для меня всегда останешься моим героем, – вздохнула Настя, – моей любовью...

Она направлялась на автобусную остановку. И не поверила своим глазам, когда на дороге увидела знакомую мужскую фигуру. Роман вел за руку сына. Они шли медленно, Роман вез большой чемодан на колесиках, ребенок тёр глаза и зевал.

– Рома... – ахнула Настя.

– Настя, – остановился он.

– Рома, ты как? Выздоровел? Я так переживала.

– Почти... Надеюсь, что пройду комиссию и вернусь к службе. Я свой участок не брошу. Всего хорошего, – сказал ей Роман и попытался пройти мимо. – Почему ты так холоден? Я...

– Я думал, что ты хотя бы наведишь меня в больнице. Хотя бы позвонишь...

– Мне Елена сказала, что вы теперь вместе, и чтобы я не лезла, – у Насти слезы навернулись на глаза. – Я каждый день думала о тебе.

– Ленка? Она сказала мне, что ты поблагодарила меня за всё, теперь тебе есть где жить, а я – сбитый летчик.

– И ты поверил, что я могла такое сказать?

– Ну, ты же поверила, что мы теперь вместе? – усмехнулся Роман. – Она нашла себе американца и обхаживала меня, чтобы я подписал разрешение на выезд сына. Я его не дал. Ленка укатила в новую жизнь, сын теперь со мной. Дом сгорел... Меня приютит приятель, а дом я восстановлю, у меня и руки есть, и голова...

– Ну уж нет! Когда мы встретились, я вообще не знала, что делать. Но ты меня спас. Сейчас не смей даже сопротивляться! Вы идете со мной! В моем доме всем места хватит! Я тебя не отпущу!

– И нужен я тебе такой? Больной, с ребенком? – Роман смотрел на нее и улыбался.

- Очень нужен! – обняла его Настя, и ее сердце снова наполнилось счастьем.
- Знаешь, а я ведь вот что решил... Давай купим путевки и поедem с детьми в Бразилию на карнавал. Хочешь? У меня есть деньги, ты не думай!
Представляешь: солнце, Атлантический океан, самба, ламбада и мы вчетвером!
Попробуем фейжоада – блюдо из фасоли, мясных продуктов и фарофы – маниоковой муки. Здорово, да?
- Ура! – захопал в ладоши сынок Ромы.
- Сумасшедший, – засмеялась Настя.
- Там я сделаю тебе предложение, и ты от меня больше никуда не денешься...
- Они взялись за руки и вместе пошли с судьбоносного моста в новую счастливую жизнь.

Пираты сибирской тайги

Глава 1

Татьяна Викторовна Кравцова вошла в кабинет своего начальника Константина Витальевича. Константин Витальевич, развалившись, сидел в кресле и, глядя на свою подчиненную, многозначительно постукивал ручкой по столу.

- Танечка дорогая, – начал он, – ну, кого я туда пошлю кроме тебя? Ты же у нас умница и красавица! Никто же не виноват, что неприятности у банка, который, можно сказать, находится на краю света? Ну, ничего! Самолетиком туда и самолетиком обратно! Раз – и там! Ты же у нас одинокая, молодая, и, следовательно, легкая на подъем!

– Как вы сказали? – вскинула тонкие брови Таня, именно после этих слов мгновенно возненавидев своего начальника. – Одинокая... Надо же... Прямо обидно!

– Ты так это говоришь, словно я тебе какую-то гадость сказал! Да, одинокая! Факт есть факт! Семьи-то нет! Танечка, пойми, неопытного сотрудника я послать не могу, он не разберется. Ну, тогда кого? Какой у меня выбор? Анну Тихоновну? А у нее двое детей. Мы с тобой их что ли забирать будем из школы и садика? Мужа-то у нее нет. Я не имею права послать в длительную командировку мать-одиночку. Может, Василия пошлем? У парня медовый месяц, в свадебное путешествие не поехал, потому что у него мать болеет, так это же не значит, что я его еще и от молодой жены оторвать должен! Таня, кроме тебя, некому, поверь! Марье Петровне шестьдесят лет, это, конечно, для нее не возраст, но если бы надо было ехать ближе... А так далеко совесть мне не позволяет ее посылать.

– У нас, по-моему, Александр Михайлович не обременен семьей, только алиментами. Что скажете? Мужчине-то легче отправиться в Сибирь, – отбивалась Татьяна.

– Танечка, душа моя! Ну, какой Александр Михайлович? Он же напьется уже в аэропорту! Сотрудник он, конечно, ценный, но только когда трезвый, а трезвый он только под пристальным присмотром. А послать вас двоих я не имею права. Так что лететь тебе, моя голубка!

– Одинокая голубка, – съехидничала Таня.

– Вот не заострай! Какие твои годы? Мы еще все погуляем на твоей свадьбе. А сейчас отдохнешь... то есть совместишь отдых и работу. В Сибири места? сумасшедшей красоты! Сходишь по грибы, по ягоды...

Татьяна поджала губы.

– Вы еще скажите – на охоту и рыбалку! Ладно! – вздохнула она. Буду считать это приключением. Пойду, получу командировочные и закажу билет на самолет.

– Вот славно, – улыбнулся Константин Витальевич.

Он был доволен, Татьяна считалась в коллективе девушкой упрямой, и он был рад, что она так легко согласилась.

Татьяна Кравцова родилась в семье коренных москвичей в пятом поколении и росла сугубо городской девочкой. У ее родителей не было ни дачи, ни дома в деревне, поэтому она корову только на картинке видела и не отличала мухомор от боровика. В лесу была раза два-три за всю жизнь и тяги к сельской жизни не испытывала никогда.

Она серьезно училась, окончила школу с золотой медалью и получила красный диплом высшего экономического образования. Таня росла строгой, очень правильной, сообразительной. Но однажды весьма удивилась, когда мама, глядя на нее, тяжело вздохнула и покачала головой.

- Как же ты жить-то будешь, милая моя?

- В смысле? - не поняла ее Таня, оторвавшись от книги.

- Трудно тебе придется, Танюша. Ты же людей сторонисься. Не общаешься с ровесниками, не думаешь о детях.

- Ну что ты, мамочка, - ответила Татьяна, - какие сейчас дети? Я ведь пока не замужем.

- А ты так и не выйдешь никогда, если будешь день и ночь думать только о своих цифрах. О мужчинах надо думать, о будущей семье и ребятишках, а не об очередном квартальном отчете, ей-богу!

Слова мамы показались Татьяне пустой придиркой. Она, как и любая девушка в определенном возрасте, конечно, думала и о семье, и о детях... Только вот ни разу еще не испытала в жизни сильное чувство, к ребятам-ровесникам относилась как к друзьям, любви не знала и не особенно ждала. Замуж, - считала Татьяна, - нужно выходить только по безумной страсти, а всё остальное - это чепуха и бытовуха.

Сидела Татьяна среди своих книг, пила кофе с молоком, ела пирожные «корзиночки» и ждала принца на белом коне. Правда, она плохо его себе представляла и не задумывалась о том, что на самом деле принц вряд ли может пригодиться женщине в жизни. Что среднестатистический принц умеет? На коне скакать да на диване лежать. А кто будет трудиться в поте лица на благо семьи? Принцы для этого не приспособлены.

В Татьянинном институте учились в основном девчонки, а если и были ребята, то к принцам отношения не имели, стриглись налысо и покрывали тело дурацкими татуировками. Полюбить кого-нибудь из сокурсников было трудно. Так и пролетело молодое время. После института она устроилась в банк, а там тоже преобладали лица женского пола.

Татьяна окончила аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию, писала статьи в научные журналы по банковскому делу. Так прошло пять лет. Личная жизнь отошла на второй план.

Ее ум и старание отметили и пригласили на должность в серьезную фирму кризис-менеджером на очень приличный оклад. Татьяна ушла из банка и стала заниматься очень интересной для нее работой, отдавая труду всё время и все силы.

Современный бизнес – это суровая реальность, где выживает сильнейший. Ежедневно сотни, а то и тысячи компаний оказываются на грани банкротства или поглощения. В подобных реалиях спасти «тонущую» организацию способен только грамотный специалист – кризис-менеджер. Услуги кризис-менеджера актуальны не только в тяжелые для фирмы времена. Взявшись за улучшение компании, такой человек способен вывести ее в лидеры продаж, тем самым увеличив ее доход. Поэтому неудивительно, что в трудную минуту директора готовы к любым затратам, лишь бы заполучить себе в штат такого сотрудника.

Таких сотрудников глава фирмы Константин Витальевич и собрал вокруг себя. Они брали государственные заказы, а Константин Витальевич очень грамотно вел свой бизнес и хорошо платил сотрудникам. Фирма была не просто конторой, а почти семьей, а Константин Витальевич был для работников словно отец родной.

Таня сразу поняла, что именно ей придется отправиться в командировку. Один небольшой региональный банк с хорошей репутацией терпел крах, и руководство банка боялось, что не выполнит свои обязательства перед вкладчиками. Срочно требовалась помощь московского специалиста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/luganceva_tat-yana/cyplenok-tozhe-hochet-zhit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)